

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 940.3/4.

С.В.Казаковцев

ОТРАЖЕНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ВО ФРОНТОВЫХ ПИСЬМАХ ЕЕ ВЯТСКИХ УЧАСТИКОВ

Письма с войны служили единственной связующей нитью между находившимися на фронте и их родственниками. Являясь ценным источником информации, они, однако, зачастую во многом субъективны и окрашены в эмоциональные тона. Тем не менее, содержащаяся в них информация бесцenna в силу своей уникальности, неповторимости и непосредственности. Автор каждого письма – простой солдат, своими глазами наблюдавший мировую войну «изнутри». Его меткие, откровенные слова позволяют взглянуть на нее в особом ракурсе, который вследствие этого становится особо значимым.

Как и любая война, первая мировая тяжким бременем легла на плечи народа – именно ему пришлось снести все ее тяготы. Забранные в армию вчерашние крестьяне и жители городов оказались перед фактом – лишь письмо могло теперь служить «мостиком» для общения с родными.

У исследователей имеется возможность изучать письма солдат-участников войны и военно-пленных, большей частью не дошедшие до адресата, либо дошедшие в значительно подкорректированном виде в силу обнаружения в них цензурной машиной информации, не должна быть ей пропущенной.

Согласно «Временному положению о военной цензуре» рассмотрению ей подлежали среди прочего почтовые отправления и телеграммы [1]. Письма, не обратившие на себя внимание цензуры, как правило, не сохранились, либо найти их крайне затруднительно. Отмеченные же цензурой отражают информацию негативного характера, что, впрочем, в большинстве случаев соответствует действительности.

При этом цензура выделяла две категории писем: бодрые и угнетенные [2]. В сохранившихся в архивах письмах вятских участников первой мировой войны первое, что бросается в глаза, это тяжелое психологическое состояние солдат, обусловленное неподготовленностью России к ведению войны. Сложные бытовые условия еще более усугубляли положение: «...нас везли как телят на убой в товарном вагоне...», негде было на место сесть, а кормят нас как свиней в корыте...», «...заели нас вши..., обеду совсем не дают. В окопах по колено воды, позамерзли руки и ноги у

наших солдат и непускают в больницу...»; «...изволь сидеть в холодном одеянии..., мерзни, что собака, защищай царя и родину...»; «...спим на сыром песке...»; «...с голоду умираем..., все пермерзли...»; «...положение прямо не дай Бог быть в таком положении, хуже, чем свиньи в грязи валяемся...»; «...жизнь наша здесь очень плохая, часто приходится голодать сутками, хлеба не дают..., все заморились, плохо ноги волочим...»; «...сидим в окопах снежных, не евши почти двое суток, много людей замерзло здоровых...»; «...множество грызущих нас паразитов...»; «...люди гибли, как мухи, смерть косила направо и налево...»; «...надоели, рады концу...»; «...каждый час ждем смерти...»; «...нам трудно тут – на поле трупы лошадиные и человечьи...»; «...очень воздух плохой, даже нельзя рта открыть, так что много лежит трупа наверху нашего и австрийского, все покернели...»; «...в бане мы не мывались уже как уехали из Самары, без бани теперь очень трудно...»[3].

Постоянное недоедание также не способствовало укреплению боевого духа: «...за шесть дней куска хлеба не было во рту...»; «...хлеба не выдают, кроме двух фунтов сухарей горелых, которые и скотина не ест...»; «...все обессилели, чуть ходят на ногах...»; «...служба в десять раз хуже собачьей жизни. Собака наестся и ложится спать, а у нас день и ночь отдыха нет...»; «...как верблюд 30-40 верст тащи, да вдобавок еще и песни заставляют петь, и так идешь язык высунут, а тут пой..., о пище и говорить нечего, часто приходится быть на пище святого Антония...»; «...солдаты полуносые и оборванные до того, что часто видно голое тело...»; «...придется с холodu и с голоду сдыхать. Вот уже 20 дней не видывали хлеба и выдают через день сухарей по 3 фунта..., но они гнилые...»; «...может, вы видели скелеты, и я теперь такой же скелет, одни кости...»; «...наверно, придется помереть без войны...»; «...хлеб и сухари привозят с охраной, и то солдаты набегают и рвут мешки как собаки...»; «...могу сказать, что солдат есть нечеловек...»[4].

Отсутствие необходимого количества боеприпасов, снарядов, патронов горько подмечено в солдатских письмах. Как вспоминал впоследствии вятский участник первой мировой К.А. Палкин:

даже «стрелковая подготовка сводилась к тому, что на каждого солдата приходилось расходовать не более десяти патронов. Да и не всегда предоставлялась солдату возможность выстрелить из русской винтовки» [5].

К началу войны запас винтовок исчислялся количеством 4,3 млн. единиц, однако масштабы мобилизации новобранцев в первый год исчерпали его полностью, и к ноябрю 1914 года потребность в винтовках возросла до 870 тыс. штук. Численность пулеметов противника в апреле 1915 года, к примеру, в 2,5 раза превышала аналогичный вид вооружения русской армии; немцы и австро-венгры превосходили русских в 4,5 раза в легкой и в 40 раз в тяжелой артиллерию. Германия и Австро-Венгрия имели по 1200 снарядов на легкое орудие и по 600 – на тяжелое, тогда как русская артиллерия располагала лишь 30-40 выстрелами на огневую единицу. Обеспеченность русской армии снарядами составляла 5-10 штук в день на орудие [6].

Неудивительно, что при таких условиях солдатские письма не могли не отразить эту сторону неподготовленности Российской Империи к затяжной и длительной войне: «...трудно с ним (немцем) драться. Он нас забивает снарядами, шпарит целыми днями, а у нас орудий мало и стреляют редко – по одному выстрелу через час...»; «...нас бьют из винтовок, потом из пулеметов и из орудий, да еще ручными гранатами, да сверху летают дьявольские аэропланы – пускают разные гранаты...»; «...Россия воюет только штыками...»; «...германец очень сильный и упорный, все время бьет из орудий залпом..., а наша артиллерия молчит...»; «...он (немец) в день выпускает тысячу снарядов, а наши пятьдесят...»; «...от нас только один снаряд, а немец посыает десять и двадцать снарядов, он нашего брата всего прибьет...»; «...а у нас снарядов жалеют, а он (немец) нисколько не жалеет...»; «...немцы сидят в окопах и шпарят нас, после атак в других ротах из 300 человек осталось только троє...»; «...а у нас снарядов очень мало, поэтому гибнем как мухи...»; «...штыки надо забывать, потому что покудова бежишь со штыком, то ни одного не останется...»; «...они берут орудиями и ружьями, а наши хотят все на штыки, тут то и гибнет народ»; «...позор России, что нет снарядов – есть кому готовить и есть из чего делать, есть и где работать..., русский солдат воюет только с одним штыком...»[7].

Вятский солдат справедливо делал горький вывод – использование атаки без поддержки артиллерии, нехватка боеприпасов, вооружения (часто в письмах указывалось на то, что приходилось «ждать», когда убьют товарища, у которого была винтовка, чтобы самому вооружиться, либо с риском для жизни искать на поле боя винтовку убитого вражеского солдата, «надежда» на пехоту не приведут к скорой и легкой победе над немцем: «...некоторые солдаты ходят в атаку без винтовок,

где уж тогда будет у солдат одушевление и патриотическое чувство к родине...»; «...и у него (немца) пехоты требуется меньше, а у нас только пехотой работать, и наши нисколько пехоту не жалеют...»; «...за пять минут убивают по 5-6 тысяч человек, люди ложатся как трава..., нас раненых опять гонят в бой, еще не оторвало руку или ногу, иди, чтобы оторвало, а пойдешь и голову оставишь...»; «...уже наших вятских солдатиков почти всех перебили и переранили...»[8]*.

Ряд писем раскрывают одновременно курьезность и трагичность ситуаций, имевших место быть на фронтах первой мировой с воинами-вятчанами: «...солдаты бедные стреляют, а выстрелы нет. Взяли, разрядили, что такое узнать, а там в патроне вместо пороха песок...»; «...обувают нас не в сапоги, а выдают ботинки, а пехотным лапти выдают...»; «...ходим наполовину в лаптях, над нами германец и австриец смеются – возьмут в плен кого в лаптях, с него лапти снимут и вывесят на окоп и кричат – не стреляйте в лапти свои, за что вы их бьете..., снаряжение у наших сплошь австрийское – у кого шинель, у кого ботинки..., глаза бы не глядели на наших солдат, прямо рвань такая...»; «...привезли лаптей два воза, доколе вот такой срам – войско в лаптях – до чего довоевали...»; «... солдаты сидят без сапог, ноги обвернуты мешками...» [9]. Были случаи, когда солдат пытались одеть и в женскую обувь.

Нередко для писем воинов-вятчан характерен страх перед грозным противником: «...немцы не люди, а исчадие ада, они ведут войну для уничтожения всего человеческого рода, стреляют все разрывными и отравленными пулями; даже легко ранят – помирают...»; «...видя такую...артиллерийскую стрельбу, бросали винтовки и бежали кто куда...»; «...вижу я, мы – русские – против немцев ни к чему не годны...»; «...наш враг очень силен и хитер...»; «...кто попадет в плен, то выкалывают глаза и отпускают назад...»; «... с аэропланов германец чем-то обливает, какой-то заразой; если на человека попадет – и не вылечить – померет...»; «... можно сказать, немец сумеет со всеми рассчитаться, он проявляет здоровое сопротивление и искусство, хитрость...»; «...германец куда надумает, туда и прет...»; «...у нас хлеба не хватает, суп – только свиней кормить. У германца – колбаса и белый хлеб. Наш солдат выйдет из окопа как пугало в деревне ставят на огуречницу, а у них выйдет – одежда чиста,

* Об этом же писал в своих воспоминаниях французский посол в России М. Палеолог, который приводил высказывание генерала Беляева о том, что «во многих пехотных полках, принимавших участие в боях, треть, по крайней мере, не имела винтовок. Эти несчастные терпеливо ждут под градом шрапнелей гибели своих товарищей впереди себя, чтобы пойти и подобрать их оружие». [Палеолог М. Царская Россия накануне революции. – М.: Изд-во «Новости», 1991, С.188].

белье белое... Его победить, Россия первой с голоду сдохнет... У него всего хватает, а у нас нет ничего..., только голову покажешь, ...шрапнели завизжат, пулеметы затрещат, все убитые тела...»; «...злой немец на Рождество пустил газы и открыл артиллерийскую стрельбу...»; «...и если только война долго продлится, то русские проиграют... В России правды нет, она умерла, а живет только ложь и неправда, один молится Богу о мире, а двое, чтобы дольше войны была...»; «...немцы в плен мало берут, убили всех, Господь знает, как в лесу было повалено народу, даже пройти некуда было...»[10].

С горечью подмечает вятский солдат воровство, измену многих офицеров, их отсутствие во время боя, тогда как германские офицеры, по его мнению, находились на опасных участках вместе со своими солдатами: «...этих офицеров во время боя за три версты от позиции не найдешь, даже не укажут, где находится противник...»; «...как наступать, они прячутся, а солдат бедный иди, да и только солдаты воюют...»; «...начальство за маловажные проступки морду бьет...»; «всю тяжесть войны несет солдат, и вдруг с ним так грубо обращаются, и оскорбляют не только словами, но и руками...»; «...ни за что бьют розгами штук по 50 даже. Смотреть страшно, как человек вьется...»; «...за малейшие проступки наказывают, бьют и даже убивают...»[11]; «...начальство скверное, все желание воевать пропадает...»[12].

Как вспоминал вятский участник первой мировой войны А.Ф. Ердяков: «...во время боев в Восточной Пруссии командир его полка, немец по национальности, фон Крузенштерн, при обстреле частей со стороны немцев завел полк во двор кирпичного завода и держал его там до тех пор, пока туда не попал снаряд...» [13]. Он же вспоминал, как при сильном оружейном огне в первую очередь побежали офицеры, увлекая за собой нижних чинов и порождаю у них панику, и лишь его грамотные действия и призывы вернули солдат на позиции а за ними и офицеров [14].

Тяга к справедливости и недовольство произволом, можно сказать, были характерны для вятских участников войны – тот же А.Ф. Ердяков вспоминал, как многие его земляки на фронте были «политически развиты» и выступали, разоблачая царское правительство вместе с царицей и Распутиным [15]. Вообще вятчанам-участникам первой мировой войны было свойственно мужество и стойкость: они сбегали из плена, работали по дефицитным специальностям, захватывали вражеские шхуны, воевали во Франции [16]. Известно, что в 1915 - начале 1916 года по просьбе французского правительства из России были направлены специальные воинские соединения, которые принимали участие в боях против немцев. Среди русских солдат был и вятчанин И.Г. Заболотский, который в 1917 году в числе первых потребовал от властей союзнического государства возвращения

на родину [17].

Показательный случай вятского упорства произошел и поиска справедливости на фронте произошел с вятчанином А.Ф. Ердяковым – при потере кружки взвод был выстроен для обыска, на что Ердяков позволил себе в сердцах высказаться относительно обищения крестьянства до нитки через поставки, а из-за потерявшейся кружки еще и унижают, что вызвало прекращение расследования по указанному делу[18].

О предательстве офицеров писали и другие вятчане – так, Ф. Кокоулин в 1915 году в письме домой указывал: «... начальники у нас все немцы, продали нас, да и воюй – как мухи пропадай...»; «...вор на воре..., начальство скверное. Все желание воевать пропадает...»; по воспоминаниям вятчанина Т.В. Жужунова «...офицеры относились плохо; допускали грубость, произвол, били по лицу...»[19].

Немало писем вятчан-участников войны посвящены призыва姆 не верить властям и особенно газетам: «... прошу я вас, тетя, чтоб газетам вы не верили, так как правду не выпускают...»; «... газетам не верьте, что нам посыпают подарки. Совершенно нам ничего не досталось...»; «... победы пишут все на нашей стороне, вот как раз все это оказывается наоборот, русских бьют как попало...»; «... не верьте газетам – они пишут то, что им приказывают...»[20].

То, что газеты действительно искажали информацию и реальная свобода печати отсутствовала является неоспоримым фактом. Все губернские газеты проходили цензуру, и материалы, не удовлетворявшие требованиям положения о цензуре, в печать попасть не могли. Тем не менее в начале войны общая неразбериха приводила к тому, что отдельные статьи негативного для властей характера все-таки просачивались в прессу. Больше всех в этом отношении выделялась газета либерального направления «Вятская речь».

Для урегулирования ситуации и подведения ее под четкие стандарты в Вятской губернии был проведен ряд мероприятий. Главным военным цензором был назначен полковник А.И. Масалитинов, в Сарапуле за деятельность цензуры отвечал ротмистр Добромуслов, в Ижевске – губернский секретарь Ложкин. В цензурной системе работали также чиновники, прапорщики, студенты, почтовые служащие, работники телеграфа, преподаватели гимназий, духовные лица, офицеры, дворяне. Объем работы, выполняемой ими, был довольно высок – из действующей армии приходило около 50 тысяч писем в неделю [21].

Цензура отмечала, что с затягиванием войны солдаты стали постоянно писать домой с просьбами выслать телеграмму на имя начальства с просьбой отпустить солдата в отпуск. При этом фронтовики открыто призывали родственников вратить военным через сообщение ложных сведений, например, о смерти жены, лишь бы получить

увольнительную.

Попадались и призывы к прямому уклонению от военной службы: «...если Кирилла возьмут, то пусть он неустанно до надоедания заявляет о какой-либо болезни, тут стыдиться нечего. Если попадет в окопы, то дело пропащее...»; «...не стало охоты воевать, хочется улизнуть куда-нибудь из строя и, наверно, достигну своего...»; «...дай Бог отделаться от этой несчастной войны. Кто попадет на эту войну, хотя и придет домой, то будет страдать различными болезнями...»; «...Гриша,...не жалей, а отдай (денег) и поблагодари..., сделайся больным, неделю хлеба не ешь, чтобы не попасть на войну...» [22].

В марте 1917 года цензура задержала письмо на имя Гарифа Абдуллина, в котором имелись рекомендации по имитации болезни, дающей право на освобождение от службы [23]. Воспользовавшись ими, он был определен как негодный, но усилия цензоров помогли изобличить уклониста. Такие случаи были не единичны – их регулярность свидетельствует о глубоком кризисе в психологическом плане.

Среди населения городов губерний постепенно получила развитие практика, когда с целью уклонения от службы призывники останавливались в номерах и на постоянных дворах Вятки, что сильно затрудняло их поиск и грозило недоборами в армию. Исходя из этого 18.12.1916 года Вятское уездное по воинской повинности присутствие вошло в контакт с вятским полицмейстером для прекращения такой деятельности со стороны призывников. Таким образом, власти обязали всех прибывающих в Вятку молодых людей иметь документ об отбывании воинской повинности либо немедленно вставать на учет в воинском присутствии. Также полиции были даны указания, согласно которым повышенное внимание следовало уделять тем лицам, которые после выхода объявления о призывах пытались спешно покинуть город [24].

Апатия, чувство безысходности, обреченность – перманентные спутники солдатских писем: «...скоро всех перебьют,...всех проклянешь и свою жизнь, и закон...»; «...жизнь такая мне пришла, что как подумаешь, так и сердце не ворочается, а смерти дождаться не могу...»; «...за что ты меня, мать, родила..., лучше бы ты меня, мамаша, на роду растоптала, а на божий свет бы не пущала...»; «...сидим, горюем, что зачем нас Бог зародил...»; «...добровольцы все заплакали..., как они каялись и ругали, били себя, зачем пошли...»; «...мне больно тяжело, как бы были у меня крылья, то бы я к вам прилетел и поглядел на вас, ну неохота помирать, а смерть над головой...», «...я нахожусь на позиции..., а домой не знаю, придется или нет...»; «...смерть наша близка, как шаг шагнуть. Смерть жди каждый час...»; «...эта проклятая война длится всего 6 месяцев, но народу полегло...»; «...если бы можно было выкупиться,

то я не пожалел бы ничего, лишь бы жить вдали от того места, где нет ни одной минуты, чтобы обошлось без человеческих жертв...». Все это подчас приводило к самоубийствам, «добровольной» стрельбе по конечностям: «...одному новобранцу надоело служить, шел поезд, он бросился под поезд и задавило...»; «...позавчера и вчера один за другим у нас повесилось два солдата...»; «...у нас теперь на позиции сами стреляют до смерти...»; «...новобранцы нарочно морозят ноги...»[25]. К саморанениям с целью избавиться от военной службы прибегали и в рядах армии. Явление это приняло довольно широкое распространение[26]. При этом многие солдаты подвергались тяжелым физическим наказаниям и за ранения, полученные ими во время боя. Так офицеры «боролись» с не желавшими воевать.

Многие солдаты просто бежали от службы: «...в нашей роте только сто человек, остальные сбежали, спрыгнув с поезда, всю амуницию побросали...»[27].

Безвыходность положения приводила к тому, что многие искали спасения в плену: «...невозможно терпеть такие тяжести, и все мы пожелали попасть в плен... Я рекомендую своим товарищам, что, если им придется идти в бой, то пушай стремятся первоначально попасть в плен, если хотят жить на свете...»; «...теперь наши стали сдаваться в плен, потому что надоело сидеть дни и ночи в окопах...»; «...за последнее время наши солдаты чаще и чаще перебегают добровольно в руки германцев...»[28].

Опасения властей и военных относительно массовой сдачи в плен русских солдат вынуждали принимать меры различного характера – это и угроза применения наказания по законам военного времени, и превентивные акции. Так, 22.12.1915 года МВД циркулярно известило губернаторов о выходе специальной брошюры «В плену у немцев», в которой были изложены факты расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и немецкими войсками. При этом министерство настоятельно рекомендовало местным властям широко распространять указанное издание среди населения губерний через средства массовой информации [29]. 06.12.1916 года МВД уже просило местные власти собирать и докладывать в центр информацию о применении врагом разрывных пуль, удушливых газов, злоупотреблениях белым флагом, зверствах и ограблениях русских пленных, об обстрелах санитаров, перевязочных пунктов, санитарных поездов, о расстрелях, насилиях по отношению к мирным жителям и беженцам, о выставлении их в качестве живого щита, об изнасилованиях женщин и детей, об обстрелях мирных городов и иных явлениях негативного характера[30]. При этом описание жизни русскими военнопленными в немецких и австрийских лагерях в привлекательных и умеренных тонах встречали жесткое противодействие со стороны

правительства. Письма такого содержания предписывалось изымать, а фамилии авторов и их части войск доносить в Особое отделение Генерального Штаба. Радужные описания вражеских лагерей ни при каких обстоятельствах не могли попасть в СМИ. Аналогичные меры принимались и по отношению к фотографическим снимкам русских военнопленных. Сведения о жизни в плену сложно обнаружить и в периодике, поскольку письма из плена любого содержания не рекомендовалось размещать в газетах ввиду нежелательности воздействия этой информации и как с негативной стороны, что имело бы место чаще, так и с позитивной во избежание падения воинской дисциплины. По этой же причине в периодике военного времени нечасто можно встретить описание фактов применения вражескими армиями новых видов оружия со значительным поражающим эффектом.

Вообще, на слово «военнопленный» было наложено своеобразное табу. Помощь пленным рекомендовалось оказывать, но с условием отсутствия огласки об этом в средствах массовой информации. Поэтому большинство сборов в пользу военнопленных проходило на Вятке адресно и без особого оповещения населения.

Не допускались до адресата письма, в которых авторы сообщали об отсутствии желания воевать, о мрачном настрое, о неуверенности в победе. Такие материалы подлежали немедленной конфискации.

В этом же контексте уместно отметить телеграмму от 15.04.1916 года на имя командующего Казанским военным округом, содержание которой сводилось к тому, что император желал бы послать в действующую армию инвалидов[31], вернувшихся из германского и австрийского пленов, которые выступали бы таким образом в роли своеобразных пропагандистов, нанятых властями для решения конкретной трудноразрешимой задачи. Правда, в Вятской губернии за неполный 1916 год желающих откликнуться на призыв императора оказалось немного, а часть из согласившихся по различным причинам вследствии отказалась выполнять эту миссию несмотря на денежные выплаты со стороны властей.

Впрочем, добровольная сдача в плен вражеским войскам, безусловно, в большинстве случаев была порождена вовсе не от отсутствия патриотизма, а от тяжелейших условий, в которых солдатам приходилось сражаться. Сдаваясь в плен, большинство не предвидело тех ужасов, с которыми им пришлось затем столкнуться.

Вообще отношение к русским пленным в целом было довольно жестким, а нередко и необъяснимо жестоким. Как вспоминал А.В. Луначарский, бывший во время первой мировой войны корреспондентом газеты, «в каждом лагере есть как будто люди двух рас: русские и все остальные»[32]. Мировой характер войны, ее глобальность, жесто-

кость и кровопролитность озлобляли ее рядовых участников, зачастую порождая в них звериную злобу и ненависть друг к другу, которая выплескивалась как во время боя, так и после него – уже на беззащитного пленного. Сохранилось немало воспоминаний вятских участников войны, прошедших германский и австрийский плен, свидетельствующих о всей тяжести, которую им пришлось пережить.

К примеру, крестьянин деревни Сыромуковы Гвоздевской волости Котельнического уезда С.В. Сыромуков в июле 1916 г. вспоминал, как в феврале 1915 г. он попал в плен после боя. При этом, очнувшись от контузии на поле сражения, не в силах идти сам, он увидел троих немецких санитаров и просил их убить себя. Однако они сочли, что русский солдат «не слишком ранен», чтобы его нести в госпиталь и поэтому ему следует нанести соответствующее ранение. После этого один из немцев дважды ударил Сыромукова штыком по спине и, поскольку теперь тот стал, по немецким правилам «раненым», то и был, соответственно, унесен в полевой госпиталь. Также он указывал, что «...везли в товарном вагоне..., обращение часовьев в лагере очень грубое, кормили плохо..., повара били черпаком по голове, разбивая до крови..., практиковалось подвешивание к дереву за руки...»[33].

Другой вятский участник войны Н.И. Игошин из деревни Микиляты Казаковской волости Котельнического уезда в августе 1916 года также вспоминал, как во время перевозки в поезде русских военнопленных плохо кормили [34]. Сыромуков отмечал этот же факт, указывая на постоянный дефицит пищи, испытывавшийся русскими пленными; при этом лечили ужасно – подолгу не делали перевязки, зачастую использовали при этом грязные бинты, снятые с других больных или умерших.

В августе 1916 года крестьянин Рязановской волости Я.Д. Загребин вспоминал: «... заставляли просушивать болото, которое было непроходимым, вода в нем была очень холодная... Из четырех тысяч человек, занимавшихся этой работой, за месяц осталось человек триста. Все были истощены, валялись от дуновения ветра...»[35]. Рядовой из Даровской волости В.Е. Носков в октябре 1916 г. указывал: «... есть не давали..., из вагона не выпускали даже для отправления естественных надобностей..., умирало человек по пятьдесят в день, и масса пленных сделалась совершенно неспособной к труду..., на пленных пахали землю..., немцы обращались довольно грубо, дерзко...»[36]. Крестьянин Гвоздевской волости А.Л. Глушков в октябре 1916 г. говорил, что ему, раненому пулей в глаз, перевязка была сделана только на седьмой день; кормили хлебом из дерева, на пленных возили тяжести; при перевозке в поезде русских закидывали камнями [37]. Вятчанин П. Соколов по-дышал: «...кушанье – истощенье медленное,

но верное...»[38]. Как отмечал побывавший в плену И. Разгон, «смертность среди военнопленных росла в геометрической прогрессии» [39].

При этом администрации делали все возможное, чтобы информация о таком обращении не просачивалась за пределы лагерей: «...за написание на родину о плохом содержании привязывали к столбу на два-четыре часа...»[40]. Запрещая русским писать о бесчеловечном отношении, вражеский цензурный механизм в то же время поощрял и не противился тому, чтобы военнопленные в почтовых карточках, отправляемых в Россию, просили родных выслать им деньги, продукты, одежду. Тем самым факт необычайно тяжелого положения пленных подтверждался. Нередко высланное и вовсе не доходило до адресатов – немцы и австрийцы не стеснялись грабить посылки, вынимая из них ценное.

Оказавшись в плену, русские солдаты оказались один на один с множеством возникших проблем. Отследить благотворительные мероприятия, направленные на улучшение жизни русских военнопленных, при этом представляется в определенной степени затруднительным, поскольку летом 1916 г. в губернии такая деятельность по приказу властей перестала афишироваться должным образом. В тяжелых экономических условиях и при росте антивоенных настроений упоминания о военнопленных лишь усиливали раздражение от войны и являлись, таким образом, факторами негативного характера в области массового сознания. Поэтому власти были вынуждены пойти на такой ход, когда помочь военнопленным проводилась без лишней публичной огласки.

Вообще справедливо замечание о том, что Россия не шла на переговоры и уступки по вопросам военнопленных, традиционно жертвуя интересами своих подданных, попавших в плен [41].

Объемы помощи, оказываемой русским военнопленным, разумеется, не покрывали и минимальных потребностей пленных вятчан. При этом они имели перманентную тенденцию к снижению. Так, Вятская губернская продовольственная управа до лета 1916 г. занималась снабжением сахаром вятчан, попавших в плен, через их родственников, выдавая последним его определенное количество для пересылки в Германию и Австро-Венгрию [42]. Однако в связи с катастрофическим недостатком товаров управа была вынуждена отказаться от удовлетворения ходатайств родственников пленных.

Вятчане, тем не менее, старались не забывать своих земляков, попавших в плен. Акции наподобие высылки в сентябре 1917 года Орловской уездной земской управой посылки с одеждой, холстом [43] имели место, но общая тенденция выражалась в постоянном снижении объемов оказываемой помощи.

Активность благотворительных организаций, Красного Креста, также не способствовала улуч-

шению ситуации. А половинчатые меры, предпринятые русским правительством, как, например, призывы к тому, чтобы вражеские военнопленные солдаты и офицеры, находившиеся в плену в России, писали бы на родину просьбы об улучшении положения русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии во избежание ухудшения собственного положения [44], особого успеха не имели.

Сломаться в психологическом плане в плену было легко – человек, попадая в новые для него условия экстремального характера, испытывал их влияние в виде физических и психических страданий. Кто-то не выдерживал жестокого обращения и пытался бежать, другие приспособливались как, например, вятский участник войны Иосиф Устюгов, попавший в плен в самом начале войны и писавший в 1916 г. из Мекленбурга домой в село Касино Смирновской волости Орловского уезда: «...бороться с судьбою не волен, отдался всемело я ей, пускай меня носит по свету, пускай покорюсь же я ей...»[45]. Такое психологическое состояние не могло не порождать возникновения вопросов – зачем эта война, подталкивать солдат к мысли о желательности заключения мира. Нежелание воевать, боязнь смерти, тяжелейшие условия, слабая оснащенность армии рождали у солдат пацифистские настроения: «...будь же трижды проклято начальство за нашу кровь, которую они льют вместо молока за то, что не хотят мира...»; «...высокопарные рассуждения о войне уже в зубах завязли, на деле же это не есть какая-то высокая цель, это бойня..., лишать жизни не знаю за что целые десятки миллионов людей – это безрассудно...»; «...впереди нечто хуже смерти – ужаснее сделаться убийцею себе подобных существ...»; «...эх, надоела эта бессмысленная война, воевать идти на верную смерть за чьи-то гнусные интересы, как это тяжело. Что мне пользы в том, что победим мы или что плохого, если нас победят. Это издевательство над миллионами людей...»; «...нам давно надо заключать мир. Здесь один убой без цели и смысла...»; «...все мы ожидаем одного драгоценного, дорого, священного слова «мир...»; «...пропишите, что насчет мира слышно, у нас здесь болтают, что мир уже заключен..., ожидаем мы мира, нам уже...надоело...»; «...вчера у нас и ужина не было. Зачем еще, думаю, и воевать, когда солдаты с голода пропадают...вот ложись хоть живой в могилу...останется много сирот, если скоро мир не будет...»; «...не знаю, когда эта война окончится, а так понял, когда всех перебьют, тогда и будет мир...»; «...скоро ли будет конец этой дикой, гнусной и проклятой войне. Неужели еще недостаточно пролито и льется крови?»[46].

По данным рапорта старшего военного цензора Казанского военного округа от 14.12.1915 года около 50% всех полученных писем с фронта так или иначе содержали пожелание мира.[47]

Значительное число писем содержало жалобы

на пищу, обмундирование, вооружение. И все же в целом осознание долга было характерно для фронтовой корреспонденции, но следует отметить мизерную долю писем с патриотическим подъемом. Он был характерен лишь на начальном этапе войны, и то – при этом такой взгляд на войну не был доминирующим. Слова наподобие «...мы всеми силами стараемся и не щадим живота своего, бьем немца..., и пусть он узнает, что есть Россия, русское оружие и храбрые воины нашего великого Царя-батюшки...»[48] объективно не могли часто встречаться в условиях, когда нехватка вооружения, боеприпасов, тяжелые бытовые условия стали практически нормой солдатской жизни.

Вообще для писем домой из немецкого и австрийского плена характерно следующее: в силу малой печатной площади почтовой карточки все они являлись краткими и отражали лишь суть наиболее волновавших военнопленных вопросов. При этом следует учитывать, что писать разрешалось не все, вследствие чего круг вопросов, затрагиваемых в письмах, исключительно сужался и ограничивался лишь рядом тем, по сути оказавшимися общими для всей корреспонденции в целом.

Значительная часть писем вятских участников первой мировой войны, оказавшихся в плену, как, впрочем, и солдат из других губерний Российской Империи, начиналась со слов приветствия родных и близких. Примечательно, что приветствия порой оказывались весьма объемными и нередко достигали чуть ли не половины всего сообщения. Почти обязательным элементом лагерной почтовой карточки являлось приветствие не только близких родственников (родители, жена, дети, братья, сестры), но и, нередко, пленный интересовался здоровьем жен братьев, мужей сестер, их детей, жизнью соседей, людей из других деревень. Снабженные красочными эпитетами приветствия, желания здоровья перетекали в выяснение всхожести посевов либо урожая, что свидетельствует о крайней заинтересованности в судьбах близких и их жизненных условий.

По сути, можно сказать, что вчерашний крестьянин, ставший пленным солдатом, ни в коей мере не утрачивал своей крестьянской психологии и продолжал жить идеалами сельской жизни – так, как жили его отцы и деды. Находясь вдали от родных мест, солдат – выходец из села – не утрачивал духовной связи с домом, переживал и мечтал о возвращении в прежние условия. Бывшие домохозяева умудрялись давать указания по ведению хозяйства, учили детей жить по вековым правилам, советовали посещать церковь и молиться Богу за всех, прося при этом немного.

Затем почтовая карточка свидетельствовала о нынешнем положении ее автора. Как правило, здесь можно тоже говорить о некоей однотипности и похожести солдатских посланий. Большин-

ство из них указывало на то, что весьма желательна была бы высылка каких-либо продуктов, вещей или денег на адрес, указанный в открытке. Например, 24.06.1915 года из Гальбе близ Берлина в деревню Земцы Котельнического уезда писал своему отцу С.И. Земцов: «...прошу вас выслать мне 10 рублей и посылку с сухарями и одну пару белья, и одну носков. Посылки присылайте каждую неделю...»[49]. Другой военнопленный В.Т. Байгородов 24.07.1916 года писал из Гаммерштейна в Вятский городской комитет Красного Креста: «...прошу вас не оставить моей просьбы и прислать сухарей и табаку...»[50]; другие солдаты также писали: «...прошу не оставить моей просьбы по поводу возможности выслать мне посылку сухарей...», «...прошу вас, нельзя ли дать помочь мне с родины..., не оставьте соей просьбы...», «...пожалуйста, вышлите мне посылку сухарей и сахара, за что я буду вам очень благодарен...»[51].

Вообще Вятский городской комитет Красного Креста старался оказывать хотя бы минимальную помощь землякам, попавшим в плен. Через его благотворительные акции, аккумулирующую деятельность оказывалась адресная помощь находившимся в Германии и Австро-Венгрии. Нередко комитет получал из лагерей списки именно вятчан и уже исходя из их количества определял направления деятельности, которые необходимо было предпринять для оказания помощи.

Таким образом, можно говорить о тяжелых условиях, в которых находилось большинство русских военнопленных. Нередко, впрочем, письма воинов вятчан домой свидетельствуют о том, что пересылка вещей из России имела место быть. Благодарности солдат в таком случае всегда были значительны: «...две посылки, в которых оказался сахар, чай, сухари, рубашка, кальсоны и портнянки. Все получено...и доставило мне большое удовольствие...», «...много-много благодарен за вашу помошь ко мне...»[52].

Заканчивались послания также всегда приблизительно одинаково – пленный просил поцеловать своих близких.

Характерной чертой многих писем из плена может служить своеобразная обреченность, но не пессимизм.

Это выражалось в словах «на все воля Божья», «так повернулась судьба». Многие указывали на то, что раз жизнь складывается таким образом, то это означает обязанность пройти этот путь и вынести такое испытание.

В то же время нельзя говорить о повальной покорности обстоятельствам. Здесь, думается, более уместно говорить о некоей жертвенности русского характера и о готовности переносить тяготы с постоянной верой в лучшее. Тяжелая жизнь русского крестьянства, его борьба и в мирных условиях за выживание в тяжелых климатических, социальных условиях закалила их и сделала привычными к перенесению тягот. Отсюда и

готовность многих плененных вятчан к стойкости и терпению.

В целом письма из плена несмотря на своеобразный информативный характер и кажущуюся простоту представляют значительный интерес для исследования. Они позволяют раскрыть психологическое состояние участников войны, осветить тяжести, с которыми столкнулись миллионы людей.

С затягиванием войны первоначальный патриотический подъем, а в какой-то степени и бравада постепенно отходят на задний план, уступая место горькому осознанию действительности. Поэтому в такой психологической обстановке появление так называемых «святых писем со злачеными буквами», написанных Иисусом Христом или Богородицей, призывающих не вести войну, легко объяснимо. Характерные слова: «...я, Иисус Христос, говорю – остерегайтесь земных законов...»[53]. При этом указанное письмо якобы «само раскрывалось» и при переписывании, которое для прочитавшего его было обязательным, следовало «снятие грехов»; в случае же отказа переписывать письмо возможность попасть в рай для солдата навсегда закрывалась. Учитывая глубокую религиозность русских людей, можно сделать вывод о том, что автор или авторы письма делали тонкий расчет и знали, на чем необходимо акцентировать внимание солдат для достижения определенных конкретных целей.

Ряд таких священных писем и вовсе отражают необычайно глубокую апатичность воевавших: «...война не будет кончаться до тех пор, пока у нашего государя не выйдут все до одногоСолдаты и будут брать...ополченцев, всех..., кроме слепых и хромых. Когда всех этих убьют, будет конец света» [54]. Некая обреченность, усталость, значительное недовольство войной нарастали и в тылу – так, осенью 1917 года Котельническая городская управа сообщала Котельнической городской думе, что «нет в населении того спасительного подъема, который должен был бы вызвать в нем любовь к родине, тревогу за нее и чувство самосохранения» [55].

В немалой степени этим же объясняется и явление братания. Интересный случай по этому поводу вспоминал после войны ее вятский участник К.А. Палкин: «... накануне нового 1917 года к проволочным заграждениям подошли двое австрийских солдат и передали русским офицерам приглашение своего командира прийти встретить новый год к ним. Офицеры согласились, захватив с собой хлеба, мясных продуктов и сахара...»; «...29.11.1916 года была горячая любовь друг с другом – выходили из окопов наши и они, здоровались и целовались друг с другом..., переговорили..., что не стреляйте вы и мы...»; «...солдаты братались... в ход были пущены известные нам немецкие, французские, румынские, русские слова и даже латынь. Кто что знал. И как ни мало веро-

ятно, разговор состоялся...»; «...наши пошли к ним выпить рому, человек 30 обратно не вернулось, германцев также к нам пришло, 9 человек остались у нас...»[56].

Раскрывают письма солдат и ошибки командования: «...и свои со своими боятся, мы бились целый день, а к вечеру оказалось вместо неприятеля наши войска. Наших убито тысячи три. Так вот шутят и дорожат нашим братом...»; «...часто приходится нашей артиллерией по ошибке стрелять по своим...»[57].

Война порождала бесконечную любовь к жизни, обостренное ощущение красоты мира. На фронте в окопах на волоске от смерти солдаты не переставали думать о близких, о родных местах; они мечтали о возвращении домой и чрезвычайно чувствовали то, что раньше, возможно, не замечали в таком свете. Так, один из вятских участников войны писал домой с фронта: «...весело вам будет, завсегда работа у вас пойдет..., живите, как в поле трава зеленеет, так и вы...»[58].

Невозможность вырваться с фронта, даже попасть в лазарет после ранения находят подтверждение на страницах солдатской почты: «...многое помирают без чувств, падая в больших походах...»; «...очень солдаты болеют..., прямо беда, сколько болеет...». Но и при лечении они сталкивались с комплексом уже новых проблем: «...в лазарете очень плохо стараются о нашем брате, лечение очень плохое, кормят как скот, а лечат лучше того...»; «...у нас здесь плохо лечат, а у меня раны тяжелы...»[59].

Возвращение в деревню искалеченных солдат, их рассказы об ужасах войны порождали в свою очередь уклонения от службы в армии. Так, 23.09.1916 года на Глазовский призывной пункт должно было явиться 1286 человек, а явилось только 36[60].

Как видно, с самого начала войны воинам-вятчанам и не только вятчанам пришлось пройти и выдержать массу трудностей. Многие из них погибли, другие вернулись покалеченными. При этом за сухими цифрами убитых и раненых скрываются судьбы миллионов простых людей. Их письма с фронта домой позволяют полнее рассмотреть и объемнее представить то, что происходило на фронте, оказаться невольным соучастником событий глобальной исторической значимости.

Простой, но в то же время необычайно выразительный, с глубокой смысловой нагрузкой слог каждого солдатского фронтового письма позволяет нам взглянуть на войну не как на обезличенное историческое событие, но и как на явление, к изучению которого уместно подключать зачастую упускаемые из виду психологические составляющие. Их использование и дает историкам возможность представить исторический срез именно в тех красках, которые были свойственны ушедшей эпохе.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 20.07.1914. №192. Ст.2057. С.3019.
2. Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и первая мировая война (материалы международного коллоквиума). СПб. 1999. С.63.
3. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.355; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.624; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.651 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.444 об.-445; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.445; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.111об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.117 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.83 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.662; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.709 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.121 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.42; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.612; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.6 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.27.
4. ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.623 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.128; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.14. Л.91 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.14. Л.106 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.84 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.247 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.117 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.460; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.189 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.198; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.14. Л.149 об.
5. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИКО). Ф.6808. Оп.1. Д.23. Л.5.
6. Китанина Т.М. Россия в первой мировой войне. 1914-1917 гг. Экономика и экономическая политика. В 2 ч. Ч.1: Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914-середина 1916 гг. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. С.79, 82.
7. ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.653; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.710; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.42-42 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.14. Л.115; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.14. Л.115 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.712 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.712 об.-713; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.14. Л.91; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.14. Л.91 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.128 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.260 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.289.
8. ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.197; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.712 об.-713; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.14. Л.27-27 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.14. Л.50.
9. ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.75; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.49; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.263 об.-264; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.307; ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1588. Л.115.
10. ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.625; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.41 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.651; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.653; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.259; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.624-624 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.84; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.199 об.; ГАКО. Ф.720. Оп.2. Д.69. Л.91, 95-95 об.; ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1739. Л.11; ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1588. Л.115-115 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.570.
11. ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.42 об-43; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.28; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.7; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.104 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.118; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.460 об.
12. Хриников Ю. Военная цензура Вятской губернии//Филателия. 1995. №7. С.48.
13. ГАСПИКО. Ф.6810. Оп.1. Д.32. Л.8-9.
14. ГАСПИКО. Ф.6810. Оп.1. Д.32. Л.16.
15. ГАСПИКО. Ф.6810. Оп.1. Д.32. Л.15.
16. Березин Е. Помогли солдату молитвы//Вятский епархиальный вестник. 1997. №7. С.3; Кировская Правда. 1957. 2 февраля; Комсомольское племя. 1954. 24 июля; Кировская Правда. 1968. 11 августа.
17. Лисовенко Д.У. Их хотели лишить Родины. М. 1960. С.6; Кировская Правда. 1967. 15 января.
18. ГАСПИКО. Ф.6810. Оп.1. Д.32. Л.12.
19. ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.660 об.; ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1588. Л.115; ГАСПИКО. Ф.6810. Оп.1. Д.38. Л.13.
20. ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.617 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.680; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.14. Л.9; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.14. Л.152 об.
21. Хриников Ю.П. Военная цензура // Энциклопедия земли вятской. Т.4 История. Киров. 1995. С.331.
22. ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.263; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.163 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.570; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.24.
23. ГАКО. Ф.720. Оп.2. Д.69. Л.1-1 об.
24. ГАКО. Ф.1155. Оп.1. Д.491. Л.2-2 об.
25. ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.430 об.-431; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.17 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.104 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.487; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.14. Л.68-68 об.; ГАКО. Ф.170. Оп.1. Д.321. Л.1-1 об.; ГАКО. Ф.170. Оп.1. Д.321. Л.2-2 об.; ГАКО. Ф.170. Оп.1. Д.321. Л.16-17 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.14. Л.94; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.165 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.615 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.4 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.447; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.569.
26. Минц И.И. История Великого Октября. - М.: Наука. 1977. С.361.
27. ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.652.
28. ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1588. Л.63 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.14. Л.7; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.165 об.
29. ГАКО. Ф.584. Оп.26. Д.1. Л.1.
30. ГАКО. Ф.582. Оп.157. Д.71. Л.1.
31. ГАКО. Ф.1163. Оп.1. Д.4. Л.298.
32. Луначарский А.В. Европа в пляске смерти. М.1967. С.140.

33. ГАКО. Ф.582. Оп.157. Д.40. Л.36-37 об.
34. ГАКО. Ф.582. Оп.157. Д.40. Л.62-63.
35. ГАКО. Ф.582. Оп.157. Д.40. Л.66-68.
36. ГАКО. Ф.582. Оп.157. Д.40. Л.78-79 об.
37. ГАКО. Ф.582. Оп.157. Д.40. Л.82-82 об.
38. Вятский край. 1991. 31 января.
39. Разгон И. В австрийском плену // Десятилетие мировой войны. Сборник статей/ Под ред. М. Охитовича. М. 1925. С.278.
40. ГАКО. Ф.582. Оп.157. Д.40. Л.82.
41. Нагорная О.С. Р. Нахтигаль. Военный плен на Восточном фронте 1914-1918 гг. // Отечественная история. 2005. №9. С.172; Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы первой мировой войны. Дисс...к.и.н. – Нижневартовск, 1996. С.59.
42. ГАКО. Ф.870. Оп.1. Д.66. Л.15.
43. ГАКО. Ф.859. Оп.1. Д.165. Л.31.
44. ГАКО.Ф.1163. Оп.1. Д.10. Л.1157-1157 об.
45. ГАКО. Ф.890. Оп.1. Д.133. Л.306-306 об.
46. ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1739. Л.11 об.; ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1588. Л.2 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.662; ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1588. Л.123-123 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.14. Л.152 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.462 об.; ГАКО. Ф.720. Оп.2. Д.69. Л.98-98 об.; ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1739. Л.11-11 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.682-682 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.14. Л.17 об.
47. ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.457
48. ГАКО. Ф.170. Оп.1. Д.322. Л.1-2.
49. ГАКО. Ф.170. Оп.1. Д.321. Л.30-30 об.
50. ГАКО. Ф.629. Оп.1. Д.19. Л.50.
51. ГАКО. Ф.629. Оп.1. Д.19. Л.47-49.
52. ГАКО. Ф.859. Оп.1. Д.169. Л.21-21 об., 27-28.
53. ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1588. Л.115a.
54. ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1588. Л.137 об.
55. ГАКО. Ф.1074. Оп.1. Д.1. Л.321.
56. ГАСПИКО. Ф.6808. Оп.1. Д.24. Л.23; ГАКО. Ф.720. Оп.2. Д.69. Л.98-98 об.; ГАСПИКО. Ф.6808. Оп.1 Д.24. Л.21; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.6. Л.683.
57. ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.14. Л.5 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.124 об.
58. ГАКО. Ф.170. Оп.1. Д.321. Л.4-5.
59. ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.42 об.; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.14. Л.104 об.-105; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.10. Л.111; ГАКО. Ф.1276. Оп.1. Д.8. Л.351.
60. Садаков М. Удмуртия в годы первой мировой империалистической войны // Записки Удмуртского НИИ истории и фольклора при Совете Министров Удмуртской АССР. Вып.16. Ижевск. 1954. С.70; Вятская речь. 16 мая 1917.

□Автор статьи:

Казаковцев
Сергей Владимирович
- аспирант Вятского Государственного
университета

**УДК [37.018.5:271.2] (091) (571.1) “188/1916”
О. Н. Устьянцева**

**РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В РАЗВИТИИ
НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ТОМСКОЙ ЕПАРХИИ
(80-е гг. XIX – начало XX вв.)**

В конце XIX – начале XX вв. социально-экономическое развитие России поставило вопрос о необходимости как всеобщей грамотности, так и повышения культурного уровня российского общества в целом. Государство обратило пристальное внимание на низкий уровень распространения знаний в стране. Русская Православная церковь рассматривалась им как одна из структур, способных вести образовательную и просветительскую

деятельность.

К 1917 г. начальное образование в России было представлено разными типами школ. Немаловажную роль играли школы православного духовного ведомства. Их быстрый количественный рост в конце XIX – начале XX в. был связан с утверждением «Правил о церковно-приходских школах» (13 июня 1884 г.) [1] и изданием указа от 12 июля 1884 г., где говорилось о поддержке и со-